

В.Н. Ватыль

*д-р полит. наук, проф., зав. каф. политологии
Гродненского государственного университета имени Я. Купалы*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ МОДУСЫ ОСМЫСЛЕНИЯ*

На основе анализа противоречивого развития глобализационных процессов и посредством использования междисциплинарного подхода освещаются основные принципы и характеристики европейской и евразийской интеграции. Осуществляется концептуализация интеграционных процессов как множественных политических, экономических, социокультурных и институциональных форм. Задаются параметры для исследования интеграционных систем в пространстве глобализации, создаются определенные идентификаторы-переменные, позволяющие обновить аналитические подходы к обозначенной теме.

Современные глобальные вызовы и неоднозначные процессы экономической, политической и культурной интеграции формируют принципиально новую топологию планетарного пространства. Соответственно наука о международных отношениях, глобалистика и ряд смежных дисциплин, от политической философии до геополитики, перенастраивают методологию и исследовательский аппарат на изучение интеграционных процессов [1].

Парадигма национального (экономического) развития, выдвинутая после Второй мировой войны, сменилась нацеленностью на наднациональное экономическое развитие в рамках интеграционных объединений. Государства, реагируя на глобальные риски, вынуждены начать коллективную игру в пространствах транснациональной интеграции для решения национальных проблем. При этом создаваемые системы национальных государств не дополняют друг друга, как это планировалось в послевоенной экономической парадигме, а начинают остро конкурировать. Динамика глобализма во многом обусловлена этими процессами и формирует одну из магистральных тенденций современности.

Устойчивым трендом глобалистики и международных отношений становится изучение и прогнозирование перестройки политической и регионально-экономической модели мира. Актуализация же парадигмы глобалистики, отвергающей представления о глобализации как о нарастающей однотипности мира, связана с несостоятельностью обязательного для всех либертаристского трека и основана на прогнозах о сегментации пространства на несколько мегарегионов по модели ЕС с наднациональными институтами, правовыми нормами, финансовой политикой и собственной валютой [2].

Ключевой характеристикой процессов, рассматриваемых как основное следствие глобализации, является «несовпадение пространств». Политические, экономические, идеологические ареалы утратили географическое соответствие, нарушив упорядоченность и управляемость в мировой политике. До этого теории связывали «равновесие мира» с сотрудничеством между государствами и множеством новых акторов международных отношений. Сегодня такой подход устаревает, и на первое место выходят взаимодействия между крупными интеграционными системами, соотношение политики, экономики и идеологии в которых может быть различным. Такие союзы, как ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН, АПТ (АСЕАН – 3) [2], вбирают в себя государственные сувере-

* Статья подготовлена в рамках темы ГПНИ № А67-16 «Политическое регулирование современных интеграционных процессов: белорусский дискурс».

нитеты и начинают конкуренцию за глобальное влияние [3]. При этом модель и опыт ЕС берутся за основу как наиболее успешный пример интеграции [4]. На постсоветском пространстве внимание приковано к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) – обновленной реинтеграционной системе, созданной на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства.

«Интеграция» понимается здесь как объединение двух и более стран в широкую системную общность через поэтапное делегирование суверенитета надгосударственным структурам. Главный принцип – «вместе сильнее». Основная цель – повышение статуса в глобальной иерархии стран и интеграционных систем. Для детального понимания используется термин «интеграционная система»; он наиболее точно отражает системный характер крупных интеграционных объединений во всей сложной взаимосвязи трех основных факторов: экономики, политики, идеологии. Соответственно, вводится понятие «интеграционный треугольник», вершинами которого являются политика, экономика, идеология.

Как представляется, взгляд на интеграционные процессы с позиций междисциплинарного подхода способен оказать воздействие на становление новых и пересмотр устоявшихся теорий в рамках трех классических парадигм международных отношений. Исследователи внешней политики государств, ее роли в намечающейся перегруппировке центров влияния сегодня не могут игнорировать фактор вовлеченности стран в интеграционные системы. Кроме того, с учетом их возрастающей роли в мировой политике и экономике возможна трансформация подхода к вопросу «акторности» и к дискуссионной проблеме «эрозии» суверенитета государств. Эволюция суверенитета может рассматриваться не в традиционном смысле его «ослабления», обусловленного перераспределением ресурсов власти от правительств к новым игрокам мировой политики (ТНК, НПО, НКО, инвестиционные фонды, рейтинговые агентства), а с точки зрения «поднятия» суверенитета и его диссолюции в наднациональных экономических суперструктурах. В этой связи примечательны усилия стран, направленные на снижение степени зависимости от транснационального капитала в интеграционных системах. Согласно теориям интеграции, объединенные системы эффективнее протекционируют собственную экономическую (и политическую!) сферу от наступления международных монополий.

Наконец, с точки зрения глобалистики начавшийся процесс деления мирового пространства на сферы влияния интеграционных систем может быть рассмотрен в свете возможных ответов на вызовы глобализации как необратимого, неоднозначного и противоречивого процесса. Интересно сопоставить такой подход с теориями «мифологической глобализации», описывающими политико-экономическую динамику современности (в противовес апологетике глобализации), как ярко выраженную регионализацию с усиливающейся иерархичностью интеграционных блоков. Подходы, в которых глобализация рассматривается только как очередной этап экономической интернационализации, все еще сохраняют значимость. Некоторые последователи продолжают отстаивать ту точку зрения, согласно которой современный уровень политической и экономической кооперации не выше, чем в конце XIX в.

На наш взгляд, необходимо концептуализировать интеграционные процессы как множественные политические, экономические, социокультурные и институциональные формы; задать параметры для исследования интеграционных систем в пространстве глобализации; создать определенные идентификаторы-переменные, позволяющие обновить аналитические подходы к проблеме.

Одним из примеров обновления исследовательских подходов в преломлении к выше обозначенной теме сегодня является Европейский союз (ЕС) – один из самых значимых референтных ориентиров в противостоянии политических сил на националь-

ных аренах: отношение к политике ЕС и вовлеченность в реализацию конкретных решений в рамках интеграционного проекта оказываются ключевыми критериями, определяющими характер электоральной поддержки национальных партий и политических размежеваний в государствах-членах [4, с. 29]. Роль Евросоюза как политического института, формирующего повестку дня и задающего контуры европейского политического пространства, оказалась в последние, кризисные, годы не только в центре внимания национальных партий, групп интересов и органов власти разного уровня, но и непосредственно в фокусе публичной дискуссии и массовых протестных действий. Это в очередной раз убедительно указало на дальнейшее углубление «великого разлома» между большинством национальных сообществ, поддерживающим (возможно, по разным причинам) нынешний курс Евросоюза, и теми, кто требует кардинальной корректировки интеграционной политики. Эти же результаты свидетельствуют о политизации размежеваний между ключевыми и периферийными игроками Евросоюза вокруг видения причин и путей выхода из кризиса.

С одной стороны, политизация европейской интеграции проявляет себя как европеизация, оказывая влияние на национальный политический ландшафт, на расклад партийно-политических сил и эволюцию. С другой стороны, этот тренд европеизацией не ограничивается: финансово-экономический кризис в Евросоюзе и происходящие в ЕС реформы хозяйственного управления, в том числе в связи с кризисом, существенно раздвинули рамки политизации и сделали ее намного более многомерной. Магистральный тренд политизации, во многом определяющий сегодня повестку дня европейского интеграционного проекта, означает перенесение центра тяжести интеграционной политики в сферу принятия политических решений.

В центре взаимодействия оказываются проблемы национального суверенитета и противостояние вокруг стратегии национального развития, на которую непосредственно влияют принимаемые в Брюсселе решения. При этом потребности регулирования наталкиваются на системные ограничения, стимулирующие рост конфликтного потенциала евроскептиков. Об этом свидетельствуют, в частности, и перипетии регулирования иммиграционной политики, и трудности строительства социальной Европы. Нельзя не отметить в этом контексте и противоположный политизации процесс экономизации европейской интеграции: растет значение экономических факторов как источников власти, которые серьезно влияют на принятие политических решений в Европейском союзе, а в конечном итоге – на трансформацию европейского политического пространства.

Динамика европейского строительства оказывает прямое влияние на деятельность политических институтов, на публичную политику, управленческие решения и социальный климат в национальных сообществах. Меры антикризисного регулирования, принятые европейскими институтами на рубеже 2010-х гг., непосредственно сказались и продолжают сказываться на уровне и качестве жизни граждан единой Европы. В то же время возможности влияния на эти решения ограничены, с одной стороны, сложившимся институциональным дизайном ЕС, сложностью процессов разработки и многоуровневого согласования позиций в сферах наднационального регулирования, с другой – трудностями в достижении консенсуса и даже в сближении позиций вокруг общего видения приоритетов развития между теми группами интересов, которые считают себя в выигрыше от интеграции, и теми, кто числит себя проигравшими. Кризисное развитие, по верному утверждению И. Семененко и И. Прохоренко [4, с. 30], стимулирует дальнейшее размывание «разрешительного консенсуса» – имплицитного согласия большинства политических игроков и граждан стран-членов с приоритетами и повесткой дня, продвигаемыми европейскими властными элитами, – и нарастание «конфликтной европеизации» массовой политики [4, с. 30].

Противоречивое развитие интеграционных процессов в ЕАЭС также требует обновления теоретико-методологических подходов. Одним из таковых сегодня выступает дискурс-анализ идейно-символического пространства евразийской интеграции. Новейшие исследования показывают, что идейно-символическое пространство политики представляет собой многомерное, реально-политическое и ценностно-смысловое измерение [5, с. 15–17; 6]. Соглашаясь с подобными оценками, мы также в анализе дискурса идейно-символического пространства политики в системе европейской интеграции будем учитывать не только изменения среды, в которой эти идеи и смыслы производятся, распространяются и соперничают друг с другом, но и конфигурации политических идей и символов во взаимосвязи с институциональными и дискурсивными условиями, определяющими правила игры и стратегии акторов, которые эти идеи и смыслы производят, и с политическими коммуникациями, обеспечивающими обращения последних.

Идейно-символическое пространство является одним из важнейших элементов, влияющих на процессы интеграции на постсоветском континенте. Значимость этого фактора сегодня возрастает и, возможно, будет возрастать и далее в связи с развитием «информационного общества» и изменением конфигурации властных отношений. Следует рассматривать возможность формирования общего идейно-символического пространства Беларуси, России, Казахстана, Армении и Кыргызстана как вполне реальную в настоящий период. Идейно-символическое пространство является духовно-практическим образованием, представляющим собой систему идей, поддерживаемых актором региональной политики, имеющих непосредственно деятельно-установочное значение и идеологический механизм (механизм внедрения этих идей в общественное сознание). Оно является неотъемлемым свойством любой интегрированной общности и любого актора мировой и региональной политики и обеспечивает существование любого государственно-организованного общества как целостного образования.

Общее идейно-символическое пространство включает в себя взаимодействие мировоззренческих, ценностно-смысловых и социокультурных установок и практик. Его общность есть качественная характеристика, так как указанное взаимодействие смыслов и практик рождает общие преимущества и общие проблемы. В процессе такого взаимодействия также происходит содержательная унификация идейно-символического пространства. При этом не исключены конфликты интерпретаций, однако при разумно организованном идеологическом пространстве эти конфликты могут быть преодолены через открытый дискурс.

Общее идейно-символическое пространство в системе евразийской интеграции – это коммуникативная ценностно-идейная среда, которая определяется характером взаимосвязи политико-правовой идеологии Беларуси, России, Казахстана, Армении и Кыргызстана как независимых международных акторов. В общее идеологическое пространство входят базовые ценности стран евразийской интеграции и связанные с ними политико-правовые и социокультурные практики [7, с. 102–114; 8, с. 36–37].

Дискурс-анализ положений Договора о Евразийском экономическом союзе показывает, что в нем отсутствуют отсылки к общим (евразийским) ценностям: евразийские партнеры, исходя из оценки особенностей нынешнего этапа интеграции, не включили в договор политические аспекты. Поэтому идейно-символический аспект не получил в нем достаточной проработки. Однако в ст. 3 Договора о ЕАЭС перечисляются ряд принципов, на основе которых ЕАЭС должен осуществлять свою деятельность:

- 1) уважение общепризнанных принципов международного права включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности;
- 2) уважение особенностей политического устройства государств-членов;
- 3) обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов государств-членов;

4) соблюдение принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции;
5) функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов [9].

В итоге, можно констатировать, что в данном соглашении доминируют экономические приоритеты, нацеленные на обеспечение национальных интересов стран евразийской интеграции. Договор фиксирует переходный этап с перспективой политической интеграции, что, как следствие, потребует от акторов евразийского объединения определить свое отношение к общим, объединяющим их ценностям. Но уже сегодня практика евразийских интеграционных процессов ставит вопрос, какие ресурсы и механизмы могут способствовать решению проблем и достижению желаемых интеграционных целей. Один из таких ресурсов, по нашему мнению, – идейно-символический.

Основу этого ресурса составляет принцип, в соответствии с которым центр принятия решений по всем жизненно важным вопросам, относящимся к той или иной общности, должен находиться внутри соответствующих стран, а не вне их, не в западных центрах. Из утверждения этого принципа закономерно вытекает, что решение каких-то общих, касающихся всех проблем, выходящих за рамки компетенции и возможностей отдельных государств, должно достигаться в результате многостороннего, идейно-символического диалога с учетом интересов всех заинтересованных сторон. Диалог как определенный способ взаимодействия возможен лишь в том случае, если в ходе взаимодействия происходит сближение смыслов, утверждаемых той или иной цивилизационной традицией. Именно это мы имеем возможность наблюдать (несмотря на многочисленные реальные трудности, возникающие в ходе диалога) в странах евразийской интеграции. Ориентация участников объединения на формирование полицентрической структуры организации международного сообщества означает и глубокое изменение самой направленности процесса мирового развития, а именно изменение соотношения эндогенных (обусловленных внутренней логикой бытия той или иной цивилизации) и экзогенных (внешних по отношению к той или иной конкретной общности) факторов эволюции: рост значения первых и, соответственно, снижение силы воздействия вторых.

В основе духовно-ценностной стратегии евразийской интеграции лежит общая ориентация на усиление значения эндогенных и уменьшение влияния экзогенных факторов развития. Совпадение позиций по этому пункту, судя по всему, имеет для участников объединения большее значение, чем очевидные различия экономических и политических систем и существующие противоречия между ними. Из охарактеризованной общей ориентации вытекает и та акцентировка роли национального государства (в противовес распространенным на Западе версиям о «затухании» этого института), которая, несомненно, объединяет всех участников евразийской интеграции. Именно такое государство является основным субъектом и институциональным рычагом тех преобразований (в том числе и в сфере международных отношений), к которым они стремятся. Наконец, в институциональном плане евразийская интеграция есть не что иное, как объединение именно национальных государств. Точно так же из описанной общей установки вытекают и преимущественная ориентация на реальную, а не на «сервисную» (финансовую) экономику, и особое внимание, уделяемое развитию внутреннего рынка.

Регионализация как одна из объединительных тенденций означает ориентацию на создание полицентричной структуры управления мировой системой связей, т.е. альтернативный глобализации способ организации данной системы в условиях интенсификации и «уплотнения» этих связей. Условиях, в которых утвердить собственную неповторимую индивидуальность перед лицом нивелирующих тенденций мирового развития может лишь тот народ, та культура, которые смогли объединиться с другими, родственными или в чем-то близкими им народами и культурами. В этом контексте императив

достижения взаимопонимания различных страновых духовно-ценностных традиций приобретает особое значение.

Общее понимание характера и задач процесса модернизации является следующей важнейшей общей чертой, объединяющей государства евразийской интеграции, и одновременно отделяющей их от «коллективного Запада». В научных кругах уже достаточно давно преобладает стремление к преодолению евроцентризма, однако на уровне официального идеологического и политического дискурса Запад склонен считать свою модель модернизации оптимальной и в связи с этим универсальной, а потому «обязательной к исполнению» для всех, кто стремится идти в ногу со временем. Все без исключения участники евразийской интеграции выдвигают на первый план идею органического синтеза ценностей модернизации и собственной цивилизационной традиции. По нашему убеждению, есть все основания говорить о том, что эта идея лежит в основе их общей интеграционной стратегии. Формирование общей идентификационной стратегии оказалось возможным в силу того, что при всей разнице традиций участников евразийской интеграции в самой основе их цивилизационного строя лежит нечто общее, некий общий комплекс ценностей, причем потенциально совпадающих по своей основной исторической направленности с ценностями модернизации.

Теоретическо-методологический анализ идейно-символической коммуникации в странах евразийской интеграции создает возможность для выявления тех типологических признаков интеграции, которые могут стать модельными в изучении многообразного содержания евразийской интеграции. Для выявления этих признаков мы взяли за основу признак «образа действия», под которым понимается специфический для данной интеграционной группировки набор алгоритмов реализации программы взаимодействия группы государств в конкретной сфере. «Образы действия» полезны для сравнительного анализа, поскольку они воплощают реальные черты сущностного, содержательного поведения стран-участниц интеграционных процессов, не привязываясь к конкретным формам этих действий [10, с. 9–10]. Важно выделять образы действия в следующих основных областях интеграционных взаимодействий: 1) учреждение группировки; 2) идеологическое обоснование сближения; 3) экономическое строительство; 4) управленческая активность; 5) стратегия расширения и 6) модель обеспечения безопасности [10, с. 9–10] (таблица).

Таблица. – Параметры сравнительного анализа интеграционных объединений

Образ действия	Объект рассмотрения
Учреждение группировки	Исходные мотивы сближения
Идеологическое обоснование сближения	Обоснования сближения
Экономическое строительство	Цели и пределы экономического сращивания
Управленческая активность	Соотношение полномочий руководящих органов, пропорция элементов надгосударственного и межправительственного управления
Стратегия расширения	Подход к выбору критериев и темпов расширения
Модель обеспечения безопасности	Алгоритм обеспечения региональной безопасности: связан ли институционально механизм безопасности с основными структурами группировки

Исходной методологической гипотезой сравнительной аналитики стало предположение о том, что ключевое типологическое подобие интеграции в государствах евразийской интеграции определяется не процедурой принятия интеграционных решений или мерой реализованности принципа наднациональности, а устойчивой ориентацией участников интеграции на приоритетность развития внутригрупповых связей по отно-

шению к внегрупповым, готовностью ради этого предоставлять друг другу на взаимной основе особые права, льготы и привилегии, а также явно выраженной волей к многостороннему сотрудничеству для решения общих проблем, подтверждаемой регулярностью встреч для решения вопросов, выходящих за рамки обычного международного общения.

В духе такого понимания интеграции (и для получения аналитически полезных результатов) сравнению должны подлежать не столько формы воплощения интеграционных устремлений, сколько сами эти устремления, мера их устойчивости, направленность и результативность.

«Работающей» основой анализа региональных вариантов интеграции послужила представленная выше таблица сопоставления «образов действия» участников интеграции в главных сферах сближения. Изучение этих образов действия в соответствии с цепочкой «потребность – интерес – цель – образ действия – результат» предполагало исследование исходных причин возникновения интеграционных импульсов (внешней и внутренней среды процесса), их отражение в концептуальных документах отдельных стран, многосторонних инициативах и соглашениях, планах действий, степени их реализации. В совокупности эти черты образуют «историко-политический тип» интеграции. Проведенное по такой схеме сравнение дает возможность выявить черты существенного типологического сходства в развитии интеграционных процессов в ЕврЭС. Сходство прослеживается прежде всего в содержании мотивационного комплекса в обоих ареалах, в структуре которого важную роль играла боязнь внутрирегиональных конфликтов, необходимость объединения перед лицом более крупных, прежде всего внерегиональных игроков.

В сфере идеологического обоснования интеграционных процессов наблюдается общность в усилиях по созданию символов общей идентичности, основанных на политических мифах об общем историко-культурном наследии и общности исторических и экономических судеб в будущем.

В экономике просматривается сходство в установке на упрощение условий внутрирегионального экономического обмена и создание условий для повышения конкурентоспособности интеграционной группы в целом по отношению к «сторонним» государствам. Вместе с тем обращают на себя внимание важные типологические различия парадигм экономической интеграции. Для стран ЕврЭС характерна асинхронность и многоуровневость экономической интеграции, которая проявляется с разной степенью глубины и интенсивности на нескольких уровнях. В минувшие полвека на пространстве этих государств наблюдались в сущности однородные модели расширения интеграционных «ядер».

При очевидном внешнем различии динамики интеграционных процессов в ЕС и ЕврЭС интеграционные импульсы тяготеют не к сплошному, а к очаговому типу распространения. Понятие интеграции так или иначе связано с представлением о социально-политической гомогенности. Однако характер этой связи на пространстве обозначенных интеграций не прояснен. Можно предположить, что политическая однородность – одно из ключевых условий успешной интеграции. Но допустима и иная гипотеза: формирование политической однородности – не начальная точка интеграции, а один из ее возможных (не обязательно главных) результатов. Экономическая политика большинства стран «интеграционного ядра» регионов не одинакова, но однородна. Это политика рыночного регулирования с более или менее заметной долей государственного контроля. Похоже, что отправной точкой данной версии интеграции является не политическое родство, а однотипность экономических политик.

В ЕврЭС процесс сближения идет с «переменной» скоростью. Евразийская интеграция в отличие от европейской характеризуется выжидательностью и осмотрительностью. Случаются откаты интеграционных тенденций, однако в силу исходно низкой

скорости интеграционного движения они не становятся губительными кризисами. В указанных регионах интеграционное сближение происходит в большем соответствии с региональной конкретикой – мерой готовности или неготовности стран сближаться друг с другом, не конфликтуя. Евразийская интеграция делает акцент на преобладании межправительственного подхода к принятию главных решений, в рамках которого ведущую роль играют не наднациональные институты, а исполнительная власть стран-членов. Сама мысль о делегировании власти «своего» правительства какому-то наднациональному органу не получает поддержки. Идеалом же выступает дозированная интеграция в экономике под строгим контролем суверенных национальных правительств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костин, А. И. Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов / А. И. Костин, В. С. Изотов // Весн. Моск. ун-та, Сер. 12, Полит. науки. – № 2. – С. 9.
2. Семененко, И. С. Социально-политические изменения в современном мире: проблемы концептуализации / И. С. Семененко // Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития : монография : в 2 т. / редкол.: И. С. Семененко (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИМЭМО РАН, 2014. – Т. 1. – С. 5–16.
3. Кузнецова, О. Региональная политика в странах Латинской Америки / О. Кузнецова // Мировая политика и междунар. отношения. – 2015. – № 6. – С. 118–123.
4. Семененко, И. От проекта элит к массовой политике: вызовы политизации европейской интеграции / И. Семененко, И. Прохоренко // Мировая политика и междунар. отношения. – 2015. – № 7. – С. 29–40.
5. Малинова, О. Ю. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / О. Ю. Малинова // Символическая политика : сб. науч. тр. / отв. ред. О. Ю. Малинова. – М. : РАН ИНИОН, 2013. – Вып. 1. – С. 15–17.
6. Малинова, О. Ю. Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. – М. : РОССПЭН, 2013.
7. Лукин, А. В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции / А. В. Лукин // Полис, 2014. – № 6. – С. 102–114.
8. Барабанов, О. Н. Перспективы формирования идеологического пространства России и Европейского союза : монография / О. Н. Барабанов, А. И. Клименко. – М. : МГИМО-Университет, 2010. – С. 36–37.
9. Договор. ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depSNG/agreement-eurasian-economic-union>. – Дата доступа: 10.05.2016.
10. Байков, А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков ; отв. ред. А. Д. Богатуров. – М. : Аспект Пресс, 2012.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 18.10.2016

Vatyl V.N. Globalization and Modern Integration Processes: Theoretical and Methodological Modes of Thinking

Based on the analysis of the contradictory globalization processes and using an interdisciplinary approach basic principles and characteristics of European and Eurasian integration are highlighted in the article. The conceptualization of the integration processes as multiple political, economic, socio-cultural and institutional forms is done. The parameters for the study of integration systems in the space of globalization are specified, specific identifications – variables, to update analytical approaches to the designated topic are created.